

Проблемы законодательного регулирования компетенции Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация. В статье раскрывается принятый в ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» подход к законодательному закреплению компетенции Конституционного Суда. По результатам исследования соотношения наименования, структуры и содержания данной статьи сделан вывод о том, что ее наименование и содержание не в полной мере согласуются друг с другом. Кроме того, с учетом тенденций развития практики Конституционного Суда выявлен ряд проблемных элементов его компетенции, требующих углубленного изучения. К таковым относятся, в частности, понятие о нормативном правовом акте как объекте судебного конституционного контроля; виды законов, подлежащих проверке; полномочия в сфере осуществления конкретного конституционного нормоконтроля. Особую сложность представляет определение пределов конституционно-судебной юстициальности, которая нормативно выражена в виде принципа разрешения Конституционным Судом исключительно вопросов права. Наконец, не получил последовательного законодательного решения вопрос о предмете правового регулирования Регламента Конституционного Суда. Отмечено, что на развитие компетенции Конституционного Суда существенное влияние оказывает практика конституционного правосудия. С одной стороны, отдельные дефекты нормативной регламентации компетенции Конституционного Суда могут достаточно успешно преодолеваются им путем интерпретации Конституции и Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». С другой стороны, применение этих компетенционных норм выявляет такие направления их дальнейшего развития, которые могут быть в полной мере раскрыты и реализованы только путем законодательных или даже конституционных изменений. Таким образом, компетенция Конституционного Суда — несмотря на то, что он функционирует уже три десятилетия, — остается динамически развивающейся правовой конструкцией.

Ключевые слова: Конституционный Суд; компетенция; полномочия; объекты конституционного контроля; нормативный правовой акт; закон; конкретный конституционный нормоконтроль; юстициальность; вопросы права; Регламент Конституционного Суда.

Для цитирования: Петров А. А. Проблемы законодательного регулирования компетенции Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 9. — С. 141–156. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.141-156.

© Петров А. А., 2023

* Петров Алексей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Россия, 664003
petrov-a-irk@mail.ru

Problems of Legislative Regulation of the Power of the Constitutional Court of the Russian Federation

Alexey A. Petrov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law,
Baikal State University
ul. Lenina, d. 11, Irkutsk, Russia, 664003
petrov-a-irk@mail.ru

Abstract. The article reveals the approach to legislative consolidation of the power of the Constitutional Court adopted in Art. 3 of the Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation". Based on the results of a study of the relationship between the name, structure and content of this article, it was concluded that its name and content are not fully consistent with each other. In addition, taking into account the development trends in the practice of the Constitutional Court, a number of problematic elements of its competence that require in-depth study have been identified. These include, in particular, the concept of a normative legal act as an object of judicial constitutional control; types of laws to be reviewed; powers in the sphere of implementation of specific constitutional regulatory control. It is particularly difficult to determine the limits of constitutional-judicial justiciability, which is normatively expressed in the principle that allows the Constitutional Court to resolve only the issues of law. Finally, the issue of the subject of legal regulation of the Rules of the Constitutional Court has not received a consistent legislative solution. It is noted that the development of the powers of the Constitutional Court is significantly influenced by the practice of constitutional justice. On the one hand, certain defects in the normative regulation of the powers of the Constitutional Court can be quite successfully overcome by it by interpreting the Constitution and the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation". On the other hand, the application of these powers reveals such directions for their further development that can be fully disclosed and implemented only through legislative or even constitutional changes. Thus, the power of the Constitutional Court -- despite the fact that it has been functioning for three decades -- remains a dynamically developing legal structure.

Keywords: Constitutional Court; competence; powers; objects of constitutional control; regulatory legal act; law; specific constitutional regulatory control; justiciability; legal issues; Rules of the Constitutional Court.

Cite as: Petrov AA. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya kompetentsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Problems of Legislative Regulation of the Power of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(9):141-156. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.154.9.141-156. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Одним из ключевых элементов правового статуса Конституционного Суда Российской Федерации являются его полномочия. В соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 8 ст. 125, ч. 3 ст. 128) они определяются Конституцией и федеральным конституционным законом. При этом в силу ст. 2 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ (далее —

Закон о КС) законодательство о КС РФ включает Конституцию и названный закон. Таким образом, под федеральным конституционным законом в контексте указанных положений Конституции следует понимать именно Закон о КС.

Общественные отношения постоянно находятся в развитии; право же, как регулятор общественных отношений, перманентно отстает от этого процесса. В силу этого исчерпывающее определение полномочий органов публичной власти — в известном смысле вечная задача,

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

которая принципиально не может получить окончательного разрешения вне зависимости от того, насколько качественной является нормативная регламентация прав и обязанностей соответствующего органа. В свете сказанного обращение к такой, казалось бы, обстоятельно изученной теме, как компетенция КС РФ, представляется оправданным, в том числе с учетом конституционных изменений 2020 г. Предметом настоящей статьи является анализ содержания ст. 3 Закона о КС в той части, которая касается нерешенных вопросов законодательного² регулирования компетенции КС РФ.

1. Статья 3 Закона о КС:

наименование, содержание, структура

Первый вопрос, на который следует обратить внимание при исследовании ст. 3 Закона о КС, — это соотношение ее наименования с составом включенного в нее нормативного материала. Заголовок статьи предполагает перечисление в ней вопросов, рассмотрение и разрешение которых возлагается именно на КС РФ и не может осуществляться иными органами публичной власти. Такие вопросы подразделяются на две группы:

— в п. 1–5.2 части первой анализируемой статьи перечислены категории дел, которые КС РФ разрешает в качестве органа судебной власти. Любой суд, по смыслу ст. 118 Конституции, создается для осуществления правосудия, т.е. для рассмотрения и разрешения дел в соответствующей процессуальной форме. Часть 1 ст. 125 Конституции и статья 1 Закона о КС определяют КС РФ как высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть

самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства. Статья 3 Закона о КС, основываясь на приведенных положениях Конституции, увязывает в единое целое 1) правосудие как сущность деятельности КС РФ, 2) полномочия, которые конкретизируют его место в судебной системе и в системе публичной власти в целом, а также 3) конституционное судопроизводство как форму осуществления судебной деятельности;

— части пятая и шестая ст. 3 Закона о КС предусматривают принятие Конституционным Судом РФ Регламента по вопросам его внутренней деятельности, а также возможность выступления с законодательной инициативой по вопросам своего ведения. Эти вопросы не имеют непосредственной связи с назначением КС РФ как органа судебной власти. Принятие регламентов предусматривается для множества органов и даже отдельных должностных лиц публичной власти в качестве средства регулирования внутренних вопросов их организации и деятельности (см. ч. 4 ст. 101 Конституции, п. 10 ч. 1 ст. 31 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»³, Указ Губернатора Иркутской области от 01.06.2016 № 127-уг (в ред. от 13.10.2021) «Об организации деятельности Губернатора Иркутской области»⁴ и т.д.). Что касается права законодательной инициативы в Федеральном Собрании, то оно также принадлежит различным по своему статусу органам и лицам (ч. 1 ст. 104 Конституции).

Сказанное отражает двуединую природу КС РФ: как органа правосудия, с одной стороны, и федерального органа государственной власти, стоящего в одном ряду с другими высшими конституционными органами государства, — с другой⁵. Вместе с тем подход к закреплению полно-

² Предмет настоящей статьи ограничен исследованием именно законодательной регламентации компетенции КС РФ, которая осуществляется на уровне Закона о КС в порядке конкретизации соответствующих положений Конституции. Собственно же конституционное регулирование компетенции КС РФ должно быть предметом отдельного рассмотрения.

³ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

⁴ Областная газета. 2016. 8 июня.

⁵ Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М.: Закон и право, Юнити, 1997. С. 119–120.

мочий КС РФ, реализованный в ст. 3 Закона о КС, не исчерпывается одной лишь их классификацией на общевластные и судебные.

Во-первых, перечень судебных полномочий КС РФ, приведенный в части первой ст. 3 Закона о КС, не является исчерпывающим. В соответствии с п. 7 этой части Конституционный Суд РФ осуществляет иные полномочия, предоставляемые ему Конституцией и федеральными конституционными законами. Следует отметить, что данное предписание не может пониматься как допускающее наделение КС РФ любыми полномочиями по произвольному решению законодателя. Полномочия любого органа публичной власти имеют объективные пределы, которые предопределены ролью соответствующего органа в общем властном механизме⁶. Следовательно, новые — не поименованные в части первой ст. 3 Закона о КС — полномочия могут предоставляться КС РФ лишь в том случае, если они согласуются с его природой как судебного органа конституционного контроля⁷.

Во-вторых, за рамками ст. 3 Закона о КС остались полномочия по наложению дисциплинарных взысканий на судей КС РФ, приостановлению и прекращению полномочий судей (часть третья ст. 15, часть вторая ст. 17 и часть третья ст. 18 Закона о КС). В данном случае не идет речь о какой-либо содержательной неопределенности в Законе о КС, однако распределение нормативного материала по его тексту всё же могло бы быть более последовательным.

В-третьих, частями третьей и четвертой ст. 3 Закона о КС определено, что Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права

и при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов. Законодатель в данном случае вообще не указывает на какие-либо конкретные вопросы, которые относятся или не относятся к полномочиям КС РФ. Тем не менее приведенные положения имеют фундаментальное значение, ограничивая деятельность КС РФ уже рамками осуществления установленных полномочий (см. об этом далее).

В-четвертых, часть вторая ст. 3 Закона о КС вводит, наряду с понятием полномочий КС РФ, также понятие его компетенции и указывает, что компетенция КС РФ, установленная рассматриваемой статьей, может быть изменена не иначе как путем внесения изменений в Закон о КС. Компетенция определяется как возложенный законно на уполномоченный субъект объем публичных дел; при этом к элементам компетенции относятся нормативно установленные цели, предметы ведения как юридически определенные сферы и объекты воздействия, а также властные полномочия как гарантированная законом мера принятия решений и совершения действий⁸. Таким образом, компетенция — более широкое понятие, чем полномочия, а это означает, что содержание ст. 3 Закона о КС за счет упоминания компетенции КС РФ вышло за рамки, заданные ее заголовком. С учетом изложенного представляется, что статья 3 Закона о КС должна была бы называться «Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации».

⁶ Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / отв. ред. Н. В. Витрук, Л. В. Лазарев, Б. С. Эбзеев. М. : Юридическая литература, 1996. С. 35–36.

Еще в советской юридической науке признавалось, что правовая характеристика органа публичной власти является самостоятельным элементом его статуса наряду с собственно его компетенцией (Габричидзе Б. Н. Конституционный статус органов советского государства. М. : Юридическая литература, 1982. С. 11).

⁷ Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.03.2007 № 3-П (СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1741) пришел к выводу, что предназначение судебного конституционного контроля предполагает, что все споры, которые по своей юридической природе, характеру и последствиям являются конституционными, разрешаются в порядке конституционного судопроизводства (п. 5.2 мотивировочной части).

⁸ Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М. : Юринформцентр, 2001. С. 55–56.

Наконец, в результате внесения изменений в Закон о КС в 2020 г.⁹ из ст. 3 Закона о КС были исключены указания о целях деятельности КС РФ. Ранее эта статья устанавливала, что свои полномочия Конституционный Суд РФ осуществляет в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции на всей территории Российской Федерации. В настоящее же время эти цели получили закрепление непосредственно в Конституции в качестве основ статуса КС РФ (ч. 1 ст. 125 Конституции), что повлекло их перенос в ст. 1 Закона о КС. Однако это не означает утраты связи между полномочиями КС РФ и целями его деятельности: последние по-прежнему ограничивают КС РФ в рамках осуществления его полномочий, определяя тем самым нормативные пределы его деятельности. В частности, в качестве правового средства, обеспечивающего достижение указанных целей, применяется такая исключительная конституционно-судебная технология, как воздержание от признания оспариваемого акта не соответствующим Конституции. Например, в постановлении от 20.07.1999 № 12-П¹⁰ Конституционный Суд РФ воздержался от признания неконституционным по порядку принятия одного из федеральных законов, несмотря на нарушения, допущенные при его одобрении Государственной Думой. Принимая такое решение, Конституционный Суд РФ указал, что признание оспариваемого Закона не соответствующим Конституции по порядку принятия в связи с нарушением депутатами Государственной Думы принципа личного участия в голосовании «давало бы возможность поставить под сомнение конституционность и других ранее принятых федеральных законов. Такой результат противоречил бы целям конституционного судопроизводства» (п. 13 мотивировочной части и п. 10 резолютивной части).

2. Нормативные пределы конституционно-судебной юстициальности

Как уже было отмечено, статья 3 Закона о КС устанавливает, что Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права (часть третья) и при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (часть четвертая). Эти два правила взаимно обуславливают друг друга и в совокупности с нормативно определенными целями деятельности КС РФ формируют пределы осуществления полномочий КС РФ.

Формулировка части третьей ст. 3 Закона о КС основана на предположении, что перед КС РФ гипотетически могут быть поставлены вопросы «не права», которые он, соответственно, решать не может. При этом для заявителя не представляет существенной сложности обеспечить соблюдение формальных требований, которые предъявляются к обращению в КС РФ, включая определение позиции по поставленному им вопросу и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции (п. 8 части второй ст. 37 Закона о КС). Таким образом, отграничение — для целей судебного конституционного контроля — вопросов права от иных вопросов не может осуществляться на основе формальных критериев. Каждая такая ситуация рассматривается Конституционным Судом РФ индивидуально.

Например, в определении КС РФ от 20.11.1995 № 77-О¹¹ отмечено, что момент обращения в КС РФ может сам по себе свидетельствовать о том, что поставленный в обращении вопрос и позиция заявителя по нему являются в большей мере политическими, нежели правовыми. На этом основании Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению запросов о проверке конституционности ряда

⁹ Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.

¹⁰ СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3989.

¹¹ СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4867.

положений Федерального закона от 21.06.1995 № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹², которые были направлены после начала избирательной кампании по выборам в Государственную Думу. Принимая такое решение, Конституционный Суд РФ отметил, что, каким бы ни было его суждение относительно конституционности оспариваемых положений избирательного закона, проведение судебного разбирательства в ходе избирательной кампании непосредственно перед голосованием может неоправданно осложнить избирательный процесс, отрицательно сказаться на волеизъявлении избирателей и в конечном счете повлиять на результаты выборов, а Конституционный Суд РФ фактически превратился бы в участника избирательной кампании, что противоречит его предназначению и принципам деятельности.

Этот пример показывает, насколько непростым может быть определение природы поставленного перед Конституционным Судом РФ вопроса. Среди норм, конституционность которых предлагалось тогда проверить, были положения, устанавливавшие смешанную (мажоритарно-пропорциональную) избирательную систему выборов депутатов Государственной Думы. Очевидно, что признание их неконституционности привело бы к слому начавшейся избирательной кампании, невозможности ее дальнейшего проведения и, как следствие, к срыву конституционных сроков проведения выборов. Такой результат явно противоречил бы целям деятельности КС РФ, который обязан обеспечивать верховенство и прямое действие Конституции в целом, а не только тех ее положений, о нарушении которых говорится в поступившем обращении, и поэтому недопустимо принятие Конституционным Судом РФ решений, влекущих неконституционные последствия. Вместе с тем если бы в поступивших обращениях были поставлены

более узкие, частные вопросы законодательного регулирования выборов, а признание неконституционности соответствующих норм не создавало непреодолимых препятствий для проведения выборов в конституционные сроки, то применимость изложенного в определении от 20.11.1995 № 77-О подхода уже вызвала бы существенные сомнения. В этой связи можно заключить, что момент обращения в КС РФ сам по себе не является достаточным аргументом для отказа в принятии обращения к рассмотрению со ссылкой на то, что Конституционный Суд РФ может решать только вопросы права. Решающее значение для квалификации поставленного перед Конституционным Судом РФ вопроса как правового либо неправового имеет содержание самого этого вопроса.

Тем не менее существуют такие вопросы, которые — даже если они ставятся перед Конституционным Судом РФ в правовой форме и с соблюдением всех формальных требований — не являются вопросами права и не подлежат рассмотрению и разрешению Конституционным Судом РФ в силу части третьей ст. 3 Закона о КС.

Анализируемое законоположение исходит из того, что вопросом права является такой вопрос, который в принципе может быть разрешен Конституционным Судом РФ. В зарубежной юриспруденции эта тема рассматривается в связи с доктриной «политического вопроса», а сама способность спора быть разрешенным в суде обозначается как «юстициабельность» (justiciability). Не вдаваясь в глубокое рассмотрение проблемы юстициабельности споров, отметим, что одним из ключевых ее критериев является наличие правового стандарта разрешения спора судом или, иными словами, — правовой нормы, которая может быть положена в основу судебного решения по спору¹³.

Применительно к КС РФ как органу, который обеспечивает верховенство и прямое действие

¹² СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Этот критерий, наряду с еще несколькими, был сформулирован Верховным судом США в решении по делу Baker v. Carr, 369 U.S. 186 (1962) (URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/369/186.html> (дата обращения: 15.04.2023)).

К. Шмитт писал по этому поводу, что «всякая юстиция привязана к нормам... Если судья покидает территорию, где действительно существует подведение дела под действие общих норм в зависимости от его

Конституции, это означает, что если в Конституции есть положения, на основании которых он может занять позицию по спору и вынести решение, то такой спор представляет собой вопрос права и является юстициальным. Если таких положений в Конституции нет, то Конституционный Суд РФ не имеет возможности разрешить спор на основании правовых норм, а поставленный перед ним вопрос не является вопросом права в смысле части третьей ст. 3 Закона о КС. Следует напомнить, что статья 68 Закона о КС в ранее действовавшей редакции предусматривала прекращение Конституционным Судом РФ производства по делу в случае, если в ходе заседания будет установлено, что вопрос, разрешаемый оспариваемым актом или договором, не получил разрешения в Конституции. Эта норма на практике применялась редко¹⁴, но именно она в наиболее явном виде указывала на пределы конституционно-судебной юстициальности¹⁵.

Важная правовая позиция, раскрывающая смысл части третьей ст. 3 Закона о КС, была выражена Конституционным Судом РФ по делу о

проверке конституционности правовых актов, на основании которых проводились боевые операции по восстановлению правопорядка в Чеченской Республике. В постановлении от 31.07.1995 № 10-П¹⁶ Конституционный Суд РФ подчеркнул, что не рассматривает в данном деле вопрос о политической целесообразности принятых решений, равно как и об адекватности осуществлявшихся на их основе мер.

Такой подход переносит фокус внимания на то, с каких позиций Конституционный Суд РФ оценивает соответствие оспариваемых актов Конституции, т.е. разрешает дело по существу. Оценка оспариваемых актов как целесообразных, а практики их применения — как адекватной не может означать конституционности этих актов. Равным образом нецелесообразность принятых актов, так же как и неадекватность мер по их реализации, не влечет автоматически признания данных актов не соответствующими Конституции. Из этого следует, что Конституционный Суд РФ не может принимать решение по существу дела, опираясь на соображения целесообразности и адекватности. Принцип раз-

обстоятельств и тем самым содержательная привязка к закону, то он уже не может быть независимым судьей, и никакая видимость формы юстиции не избавит его от этого следствия» (*Шмитт К. Гарант конституции* // Шмитт К. Государство: Право и политика. М., 2013. С. 51). В. Е. Кондуров подчеркивает, что «юстиция представляет собой поиск решения конкретного конфликта в действующем законе», а «судья принимает решение, основываясь не на законе, а на своем личном представлении о благе, должном и справедливом... аргументация здесь скорее представляет собой способ легитимации решения, которое не имеет никакого иного основания своей действительности, кроме мировоззрения конкретной личности» (*Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции* // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 77, 79).

¹⁴ См., например: определение КС РФ от 20.03.2007 № 221-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно данному определению вопрос об условиях правомочности заседания специализированного совета по защите диссертаций и принятия им положительного решения о присуждении ученой степени не получил разрешения в Конституции.

¹⁵ Вопрос о критериях и границах юстициальности судебных споров не является новым для отечественной юридической науки. Например, Д. М. Чечот, исследуя вопрос о возможностях расширения судебного контроля за действиями и решениями административных органов СССР, пришел к следующему выводу: «В тех случаях, когда совершение административного действия зависит исключительно от усмотрения административного органа, контроль судебных органов должен быть исключен. Если бы судебный контроль в таких случаях был установлен, это, во-первых, означало бы, что судебные органы должны были бы разрешать спор, который не носит правового характера» (*Чечот Д. М. Административная юстиция (Теоретические проблемы)*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. С. 75).

¹⁶ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

решения Конституционным Судом РФ исключительно вопросов права означает, что аргументы в пользу принимаемых им решений должны быть в конечном счете именно правовыми, хотя при этом не исключается отражение в решении КС РФ анализа и оценки доводов иного характера (социально-экономического, исторического и т.п.), если это необходимо для формирования правовых позиций по делу¹⁷.

Вместе с тем в некоторых случаях неадекватность правового регулирования может стать основанием для признания его неконституционным. Так, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Конституционный Суд РФ при применении этой нормы устойчиво опирается на принцип соразмерности вводимых ограничений прав и свобод конституционно значимым целям¹⁸. Например, в постановлении КС РФ от 05.07.2016 № 15-П¹⁹ отмечено, что положение ч. 1 ст. 24.18 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», полностью исключая для органов местного самоуправления возможность самостоятельно оспаривать принятое по инициативе собственника решение о снижении кадастровой стоимости земельного участка, не находящегося в собственности муниципального образования, но расположенного на его территории, по существу, несоразмерно ограничивает конституционные гарантии защиты прав и законных интересов муниципальных образований (п. 6 мотивировочной части). В подоб-

ных случаях аргумент адекватности приобретает правовой характер, поскольку он вытекает из самой Конституции.

3. Определение объектов судебного конституционного нормоконтроля

Судебные полномочия КС РФ определяются законодателем посредством указания 1) органов и лиц, имеющих право инициировать рассмотрение дела той или иной категории, и 2) объекта рассмотрения в рамках соответствующей категории дел. Если по поводу субъектов обращения в КС РФ каких-либо неясностей не возникает, то в отношении возможных объектов судебного конституционного контроля ситуация не столь проста, причем возникающие вопросы концентрируются вокруг основных для КС РФ вопросов проверки конституционности правовых актов.

Так, подпункт «а» части первой ч. 1 ст. 3 Закона о КС на основании п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции закрепляет полномочие КС РФ по разрешению дел о проверке конституционности федеральных конституционных законов и федеральных законов. Даже эта, казалось бы, простейшая формулировка требует определенных уточнений, поскольку она охватывает не все виды законодательных актов федерального уровня.

Прежде всего, как отметил Конституционный Суд РФ в определении от 17.07.2014 № 1567-О, переходные положения законов Российской Федерации о поправках к Конституции, которые не предназначены для включения непосредственно в текст Конституции, не могут быть выведены из сферы конституционного контроля в рамках процедур, установленных Конституцией и За-

¹⁷ Конституционный Суд России: осмысление опыта : монография / под ред. А. Н. Медушевского. М. : Центр конституционных исследований, 2022. С. 338–358 ; Чирнинов А. М. Доказывание и доказательств в конституционном судебном процессе Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 18.

¹⁸ СЗ РФ. 2016. № 29. Ст. 4900.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2016 № 15-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 24.18 Федерального закона “Об оценочной деятельности в Российской Федерации” в связи с жалобой администрации муниципального образования города Братска» // СПС «КонсультантПлюс».

коном о КС (п. 3 мотивировочной части)²⁰. На момент принятия этого определения пункт «а» ч. 2 ст. 125 Конституции указывал среди объектов абстрактного конституционного контроля только федеральные законы — даже возможность проверки в этом порядке федеральных конституционных законов была подтверждена лишь практикой КС РФ (постановления от 11.06.2003 № 10-П²¹ и от 21.03.2007 № 3-П). Принимая указанные решения, Конституционный Суд РФ исходил из возможности расширительного толкования понятия «федеральный закон» применительно к собственным полномочиям.

Вместе с тем в результате внесения в Конституцию поправок в 2020 г. положение п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции было дополнено указанием на возможность проверки Конституционным Судом РФ федеральных конституционных законов (после чего аналогичные изменения претерпела и статья 3 Закона о КС). В результате понятие «федеральный закон» в данном случае вернулось к своему изначальному, узкому значению, и возможность его расширительного толкования явно утрачена. Соответственно, не подлежит расширительному толкованию в этом контексте и понятие «федеральный конституционный закон». Если бы корректировке по рассматриваемому вопросу подверглись только положения Закона о КС, то в силу его ст. 6 приведенная выше правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом РФ в определении от 17.07.2014 № 1567-О, безусловно, сохраняла бы свое значение. Однако поскольку анализируемые изменения проистекают непосредственно из Конституции, то в вопросе о допустимости такой проверки в настоящее время имеется неопределенность.

Далее, наделяя Конституционный Суд РФ полномочиями по проверке конституционности федеральных конституционных законов и федеральных законов, Конституция и Закон о КС не

решают вопрос о возможности такой проверки применительно к принятым до вступления в силу действующей Конституции законам РСФСР и Российской Федерации, а также к законам СССР, сохраняющим свою силу на территории России. Такой же вопрос возникает в связи с указами президиумов Верховных Советов СССР, РСФСР и Российской Федерации, а также с постановлениями Верховных Советов СССР, РСФСР и Российской Федерации о введении законов в действие: все эти акты не являются законами формально, но фактически имеют именно силу законов, что подтверждается последующей нормотворческой практикой²². Единственное нормативное предписание, которое позволяет в какой-то мере подойти к разрешению обозначенных вопросов, содержится в ст. 86 Закона о КС. Часть первая этой статьи перечисляет критерии, по которым Конституционный Суд РФ устанавливает соответствие Конституции нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними (содержание норм, форма акта или договора, порядок подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие и т.д.). При этом в части второй той же статьи определено, что проверка конституционности нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними, принятых до вступления в силу Конституции, производится Конституционным Судом РФ только по содержанию норм. В буквальном смысле это означает, что при проверке указанных нормативных актов и договоров Конституционный Суд РФ не принимает во внимание их форму. Вместе с тем данное предписание предназначено не для определения полномочий КС РФ по проверке конституционности тех или иных видов правовых актов, а лишь для регулирования особенностей рассмотрения дел в порядке нормоконтроля. Поэтому одной только части второй ст. 86 Закона о КС всё же недостаточно для окончательного вывода относительно воз-

²⁰ СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. II). Ст. 4397.

²¹ СЗ РФ. 2003. № 25. Ст. 2564.

²² См., например: статью 99 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 11.06.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

На основании этой статьи были признаны утратившими силу акты всех перечисленных видов.

возможности оспаривания каких-либо конкретных видов правовых актов, принятых до вступления в силу действующей Конституции.

Согласно пп. «а» и «б» п. 1 ст. 3 Закона о КС Конституционный Суд РФ разрешает в порядке абстрактного контроля дела о проверке конституционности нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, а также законов и иных нормативных актов субъектов Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти ее субъектов. Точно так же определяется и круг объектов конкретного конституционного контроля по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов (ч. 4 ст. 125 Конституции, п. 3 и 3.1 части первой ст. 3 Закона о КС). Понятие нормативного правового акта имеет, таким образом, ключевое значение для формирования адекватных представлений о полномочиях КС РФ, который неоднократно обращался в своей практике к исследованию этого вопроса.

Например, в определении от 09.06.1995 № 28-О²³ указано, что положения Указа Президента РФ от 25.01.1995 № 72 «О государственной поддержке структурной перестройки и конверсии атомной промышленности в г. Железнодорожном Красноярского края», конституционность которых оспаривалась Государственной Думой, имеют оперативно-распорядительный характер, содержат ограниченные во времени конкретные предписания, адресованные определенным субъектам и касающиеся развития и деятельности конкретного промышленного объекта, и поэтому не являются нормативными. В связи с этим производство по делу было прекращено.

Производство по делу о проверке конституционности Основных положений военной доктрины Российской Федерации, принятых Указом

Президента РФ от 02.11.1993 № 1833, было прекращено на том основании, что они не содержат нормативных предписаний, представляя собой лишь систему официально принятых в государстве взглядов по военным вопросам (п. 7 мотивировочной части и п. 4 резолютивной части постановления от 31.07.1995 № 10-П).

В то же время, проверяя конституционность постановлений Государственной Думы, содержащих толкование федеральных законов, Конституционный Суд РФ в постановлении от 17.11.1997 № 17-П²⁴ пришел к выводу, что эти акты имеют общее действие, адресованы персонально не определенному кругу лиц, рассчитаны на многократное применение, содержат конкретизирующие нормативные предписания, общие правила; в силу этого оспариваемые постановления Государственной Думы имеют нормативный правовой характер и притом наделены той же юридической силой, что и разъясняемые ими акты — федеральные законы (абз. 1 п. 2 мотивировочной части).

Сохраняет свое значение правовая позиция КС РФ, выраженная им в постановлении от 13.03.1992 № П-РЗ-1²⁵, о том, что правовой акт о назначении референдума субъекта Российской Федерации выступает как средство формирования важнейших правовых установлений, а потому является не только правоприменительным актом, но и актом, имеющим нормативное значение, предопределяющим направление и содержание правотворческого процесса (абз. 4 п. 3 мотивировочной части).

Таким образом, вопрос о том, является ли конкретный правовой акт нормативным и, соответственно, может ли он являться объектом судебного конституционного контроля, рассматривается и разрешается Конституционным Судом РФ исходя прежде всего из особенностей содержания акта. Формальные критерии — например, вид акта (указ или распоряжение Президента РФ, постановление или распоряжение Правительства РФ и т.д.) — не имеют в данном случае решающего значения.

²³ СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5492.

²⁵ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 13. Ст. 671.

Говоря о нормативности правового акта как об условии проверки его конституционности, нельзя не обратить внимания на то, что на основании п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции и пп. «а» п. 1 части первой ст. 3 Закона о КС Конституционный Суд РФ вправе проверять любые положения федеральных конституционных законов и федеральных законов, независимо от того, носят они нормативный характер или нет. Возможность издания законов ненормативного характера неоднократно подтверждалась Конституционным Судом РФ (см. абз. 4 п. 11 мотивировочной части постановления от 20.07.1999 № 12-П и абз. 3 п. 3.5 мотивировочной части постановления от 04.04.2002 № 8-П²⁶). Вместе с тем глава IX Закона о КС, в частности открывающая ее статья 84, исходит из того, что в порядке абстрактного конституционного контроля могут оспариваться только нормативные правовые акты. Аналогичным образом формулируются и предписания Закона о КС, регулирующие конкретный конституционный контроль (см. наименование гл. XII и XIII, абз. 1 ст. 97, ст. 102 и др.). Отмеченное несоответствие, исходя из ч. 1 ст. 15 Конституции, разрешается в пользу п. «а» ч. 2 ее статьи 125, где компетенция КС РФ по проверке конституционности федеральных конституционных законов и федеральных законов не ограничивается только их нормативными положениями.

При этом тот же вопрос в отношении законов субъектов Федерации урегулирован иначе: пункт «б» ч. 2 ст. 125 Конституции и подпункт «б» п. 2 части первой ст. 3 Закона о КС устанавливают полномочия КС РФ по разрешению дел о соответствии Конституции законов и иных нормативных актов субъектов Федерации. Тем самым исключается проверка конституционности положений законов субъектов Федерации, которые не являются нормативными (к таковым можно отнести, например, правоприменительные по своей природе предписания о роспуске представительных органов

муниципальных образований, принимаемые на основании ст. 73 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²⁷).

Отдельного внимания заслуживают те положения ст. 3 Закона о КС, которые определяют объекты конкретного конституционного нормоконтроля, осуществляемого по жалобам на нарушение прав и свобод граждан и по запросам судов. Практическая значимость этого вопроса определяется тем, что именно эти дела доминируют в общей нагрузке КС РФ²⁸.

Характерно, что именно эти полномочия КС РФ чаще всего подвергались нормативной корректировке, в том числе и в рамках преобразований 2020 г. Так, в настоящее время в п. 3 части первой ст. 3 Закона о КС в соответствии с пунктом «а» ч. 4 ст. 125 Конституции установлено, что Конституционный Суд РФ по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод проверяет конституционность федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти ее субъектов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Правовые акты перечисленных видов проверяются Конституционным Судом РФ также и по запросам судов (п. «б» ч. 1 ст. 125 Конституции, п. 3.1 части первой ст. 3 Закона о КС).

В первую очередь обращает на себя внимание новый подход к определению круга объектов конкретного конституционного нормоконтроля. Если раньше таковыми были *законы*,

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.

²⁷ СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

²⁸ URL: http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Statistics/Documents/De%D1%81isions_2022.pdf (дата обращения: 09.06.2023).

то теперь полномочия КС РФ по рассмотрению конституционных жалоб и запросов судов определяются путем перечисления конкретных видов правовых актов, конституционность которых может проверяться в рамках соответствующих процедур. Уместно напомнить, что корректировка полномочий КС РФ изначально обосновывалась необходимостью «оценивать на соответствие Конституции не только законы, но и иные нормативные правовые акты органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня»²⁹. Очевидно, что здесь имелся в виду именно конкретный нормоконтроль, поскольку в рамках абстрактного нормоконтроля возможность проверки нормативных актов, не являющихся законами, существовала всегда. Достигнут ли заявленный результат? Ответ на этот вопрос является не столь однозначным, как могло бы показаться при сопоставлении прежней и нынешней редакций положений ст. 3 Закона о КС.

Как уже говорилось, правовое регулирование, действовавшее до принятия конституционных поправок 2020 г., предусматривало, что по жалобам на нарушение прав и свобод граждан и по запросам судов Конституционный Суд РФ проверял конституционность законов, примененных или подлежащих применению в конкретных делах. Практика шла по пути всё более широкого истолкования этого понятия; как отмечают ученые, расширение круга объектов конституционного нормоконтроля посредством формулирования правовых позиций КС РФ является одним из основных направлений развития его компетенции³⁰. В частности, Конституцион-

ный Суд РФ признал возможность проверки в рамках конкретного нормоконтроля не только законов в формальном смысле, но и постановлений Государственной Думы Федерального Собрания об амнистии³¹; подзаконных нормативных правовых актов, заменяющих законодательные нормы в условиях отсутствия соответствующих федеральных законов³²; нормативных комплексов, включающих постановления Правительства РФ и положения федеральных законов, на основании и во исполнение которых они принимаются³³, и т.д. Фактически Конституционный Суд РФ исходил из функционального, а не формального понимания закона для целей реализации своих полномочий в сфере конкретного нормоконтроля. Это способствовало расширению доступа граждан к конституционному правосудию³⁴.

В рамках изменений 2020 г. произошел переход к формальному определению видов правовых актов, конституционность которых может проверяться по жалобам на нарушение прав и свобод, а также по запросам судов. Таким образом, функциональное истолкование понятия «закон» в рассматриваемом контексте более не может иметь места, а проверка конституционности правовых актов по указанным процедурам возможна лишь тогда, когда оспариваемый акт относится к одному из видов, перечисленных в п. 3 части первой ст. 3 Закона о КС. Новое регулирование в определенной мере облегчило оспаривание конституционности некоторых подзаконных нормативных актов. Например, с точки зрения прав и интересов граждан имеет большое значение возможность прямо-

²⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 2020. 16 января.

³⁰ Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Формула права, 2008. С. 135–156; Митюков М. А. Конституция РФ 1993 г. и развитие полномочий Конституционного Суда РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 6. С. 36–41.

³¹ Постановление КС РФ от 05.07.2001 № 11-П // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3059.

³² Определение КС РФ от 04.03.2004 № 138-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5; определение КС РФ от 04.10.2011 № 1309-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

³³ Постановление КС РФ от 06.04.2004 № 7-П // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1519.

³⁴ Правильность именно такого подхода не вызывала сомнений и на доктринальном уровне. Соответствующая точка зрения была выражена уже в первом комментарии к Закону о КС (Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / отв. ред. Н. В. Витрук, Л. В. Лазарев, Б. С. Эбзеев. С. 43).

го, т.е. без взаимосвязи с соответствующими федеральными законами, оспаривания нормативных правовых актов Правительства РФ, которыми, в частности, регулируются многие вопросы государственного контроля и надзора, различные административные процедуры, требования к осуществлению различных видов деятельности и пр.

В то же время компетенция КС РФ по проверке конституционности законов в порядке конкретного нормоконтроля парадоксальным образом сузилась. После вступления Конституции 1993 г. в силу некоторые ранее принятые и действовавшие на территории Российской Федерации законодательные акты сохранили свою силу в части, не противоречащей ей, и изменения в них вносятся федеральными законами. Но сами такие акты формально федеральными конституционными законами или федеральными законами не являются, и поэтому потенциальному подателю конституционной жалобы (равно как и суду, ставящему вопрос о проверке конституционности «доконституционных» законодательных актов) необходимо будет еще обосновать саму возможность обращения в КС РФ по подобному вопросу.

4. Проблема определения предмета регулирования Регламента КС РФ

Наконец, представляется заслуживающим определенного внимания вопрос о том, каким образом законодатель подошел к установлению пределов содержания такого специфического нормативного правового акта, как Регламент КС. Полномочия КС РФ по его принятию закреплены в части пятой ст. 3 Закона о КС, которая предусматривает, что Регламент КС РФ принимается по вопросам внутренней деятельности КС РФ³⁵. Это установление конкретизируется в ряде других положений Закона о КС, прежде всего в его статье 28, в соответствии с которой в Регламенте устанавливаются порядок определения очередности рассмотрения дел в заседаниях, правила

процедуры и этикета в заседаниях, особенности делопроизводства, требования к работникам аппарата и иные вопросы внутренней деятельности КС РФ. Кроме того, отдельные вопросы, подлежащие регулированию в Регламенте, указаны в других положениях Закона о КС. Так, часть пятая ст. 23 относит к таковым порядок принятия Конституционным Судом РФ решения о том, что Председатель или заместитель Председателя КС РФ не исполняет должностные обязанности или исполняет их ненадлежащим образом. Согласно части второй ст. 54 Закона о КС Регламентом устанавливается порядок проведения трансляции заседания КС РФ в сети Интернет и т.д.

Вопрос о предмете регулирования Регламента КС РФ требует рассмотрения в контексте содержания и назначения ст. 3 Закона о КС, поскольку принятие Регламента, т.е. определение его содержания, относится к полномочиям КС РФ.

Прежде всего, обращает на себя внимание определение законодателем предмета регулирования Регламента через указание на «вопросы внутренней деятельности» КС РФ. Само по себе оно означает, что вопросы, не относящиеся к таковой, не могут быть урегулированы Регламентом КС РФ. Однако рамки внутренней деятельности КС РФ не определены законодателем с достаточной точностью. Уже в ст. 28 Закона о КС указаны некоторые вопросы, которые, вопреки тексту этой статьи, весьма сложно воспринимать именно как «внутренние», например правила процедуры и этикета в заседаниях КС РФ объективно затрагивают правовое положение участников заседания, т.е. внешних субъектов права. Еще более яркий пример дает часть первая ст. 37 Закона о КС, которая относит к предмету регулирования Регламента КС РФ порядок направления обращения в КС РФ в электронном виде посредством заполнения специальной формы — эти действия осуществляет заявитель, они по определению не относятся к деятельности КС РФ (тем более внутренней). Здесь важно подчеркнуть, что принятие

³⁵ Действующий Регламент КС РФ см.: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Reglament/Pages/default.aspx> (дата обращения: 09.06.2023).

Регламента КС РФ относится к его полномочиям, и рамки этих полномочий определены частью пятой ст. 3 Закона о КС посредством указания именно на вопросы внутренней деятельности КС РФ. Следовательно, все иные предписания, отсылающие к Регламенту КС РФ, должны соответствовать части пятой ст. 3 Закона о КС, что в действительности наблюдается не всегда.

Непосредственное обращение к содержанию Регламента КС РФ также выявляет наличие в нем предписаний по вопросам, не относящимся к внутренней деятельности КС РФ (см., например, параграфы 44 и 45 о присяге эксперта и свидетеля, параграф 63 об исчислении сроков и т.п.).

Убедительных попыток определить, что именно составляет «внутреннюю» деятельность КС РФ и относится, соответственно, к предмету регулирования его Регламента, не было принято в юридической науке. Более того, в публикациях прямо признается, что Регламент, даже будучи внутренним нормативным правовым актом КС РФ, регулирует и деятельность внешних субъектов права, а также вопросы не только внутренней, но и процессуальной деятельности КС РФ³⁶.

Обозначенная проблема имеет не только теоретическое значение. Действующее правовое регулирование исключает возможность судебного оспаривания Регламента КС РФ. Это не было бы проблемой, если бы содержание Регламента действительно ограничивалось вопросами внутренней деятельности КС РФ и не затрагивало положение внешних субъектов правоотношений. Однако, как можно легко убедиться, это не так.

Представляется, что несогласованность положений части пятой ст. 3 Закона о КС и других положений Закона о КС может быть устранена

только посредством законодательной корректировки предмета регулирования Регламента КС РФ. Вместо неопределенного указания на «вопросы внутренней деятельности» можно было бы установить, что Регламент определяет порядок организации и деятельности КС РФ в случаях, предусмотренных Законом о КС, а также по вопросам, которые Законом о КС не урегулированы.

Заключение

Компетенция Конституционного Суда РФ является важнейшим элементом его статуса в системе публичной власти. Будучи закрепленной в положениях Конституции и Закона о КС, выступая источником его деятельности, компетенция КС РФ находит свое реальное воплощение в его решениях. Таким образом, компетенция КС РФ развивается как под непосредственным воздействием нормативного регулирования, так и в результате деятельности самого КС РФ, который в процессе рассмотрения и разрешения дел осуществляет необходимую интерпретацию соответствующих нормативных предписаний. Как свидетельствует история российского конституционного правосудия, эти взаимообусловленные процессы протекают непрерывно с учреждения КС РФ до настоящего времени. Компетенция КС РФ — это живая правовая конструкция, в которой остаются аспекты, требующие прояснения и детализации. Эта задача в значительной степени является предметом текущей деятельности КС РФ, однако часть проблемных вопросов его компетенции должна решаться посредством законодательного регулирования.

³⁶ Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. М. : Норма, Инфра-М, 2012. С. 191–192 ; Филимонов Ю. В. Регламентное регулирование деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 27 / под ред. В. Ф. Воловича. Томск : Изд-во Томского государственного университета. 2005. С. 79–81.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Габричидзе Б. Н. Конституционный статус органов советского государства. — М. : Юридическая литература, 1982. — 184 с.
2. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. — М. : Норма, Инфра-М, 2012. — 672 с.
3. Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 5. — С. 63–91.
4. Конституционный Суд России: осмысление опыта : монография / под ред. А. Н. Медушевского. — М. : Центр конституционных исследований, 2022. — 652 с.
5. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. — М. : Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. — 702 с.
6. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. — М. : Формула права, 2008. — 688 с.
7. Митюков М. А. Конституция РФ 1993 г. и развитие полномочий Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2004. — № 6. — С. 36–41.
8. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. — М. : Юринформцентр, 2001. — 355 с.
9. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / отв. ред. Н. В. Витрук, Л. В. Лазарев, Б. С. Эбзеев. — М. : Юридическая литература, 1996. — 352 с.
10. Филимонов Ю. В. Регламентное регулирование деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 27 / под ред. В. Ф. Воловича. — Томск : Изд-во Томского государственного университета. 2005. — С. 79–81.
11. Чечот Д. М. Административная юстиция (Теоретические проблемы). — Л. : Изд-во Ленинградского университета. 1973. — 134 с.
12. Чирнинов А. М. Доказывание и доказательства в конституционном судебном процессе Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018. — 253 с.
13. Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: Право и политика. — М., 2013. — С. 27–220.
14. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. — М. : Закон и право, Юнити, 1997. — 349 с.

Материал поступил в редакцию 14 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gabrichidze B. N. Konstitutsionnyy status organov sovetskogo gosudarstva. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. — 184 s.
2. Kommentariy k Federalnomu konstitutsionnomu zakonu «O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii» (postateynny) / pod red. G. A. Gadzhieva. — M.: Norma, Infra-M, 2012. — 672 s.
3. Kondurov V. E. Osnovaniya deystvitelnosti pravoporyadka i problema yustitsiabelnosti «politicheskogo»: K. Shmitt o granitsakh yustitsii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2018. — T. 13. — № 5. — S. 63–91.
4. Konstitutsionnyy Sud Rossii: osmyslenie opyta: monografiya / pod red. A. N. Medushevskogo. — M.: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy, 2022. — 652 s.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: Problemnyy kommentariy / otv. red. V. A. Chetvernin. — M.: Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy Moskovskogo obshchestvennogo nauchnogo fonda, 1997. — 702 s.
6. Lazarev L. V. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii. — M.: Formula prava, 2008. — 688 s.

7. Mityukov M. A. Konstitutsiya RF 1993 g. i razvitie polnomochiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2004. — № 6. — S. 36–41.
8. Tikhomirov Yu. A. Teoriya kompetentsii. — M.: Yurinformtsentr, 2001. — 355 s.
9. Federalnyy konstitutsionnyy zakon «O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii». Kommentariy / otv. red. N. V. Vitruk, L. V. Lazarev, B. S. Ebzeev. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1996. — 352 s.
10. Filimonov Yu. V. Reglamentnoe regulirovanie deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sbornik statey. Ch. 27 / pod red. V. F. Volovicha. — Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. — S. 79–81.
11. Chechot D. M. Administrativnaya yustitsiya (Teoreticheskie problemy). — L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta. 1973. — 134 s.
12. Chirninov A. M. Dokazyvanie i dokazatelstva v konstitutsionnom sudebnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2018. — 253 s.
13. Shmitt K. Garant konstitutsii // Shmitt K. Gosudarstvo: Pravo i politika. — M., 2013. — S. 27–220.
14. Ebzeev B. S. Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyy Sud. — M.: Zakon i pravo, Yuniti, 1997. — 349 s.